

Игорь
Рабинер

ПАНАРИН
ВАСИЛЕВСКИЙ
ТАРАСЕНКО
БОБРОВСКИЙ

РУССКИЕ ДОРОГИ
К ХОККЕЙНОЙ МЕЧТЕ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Российские легенды спорта

Игорь Рабинер

**Панарин, Василевский,
Тарасенко, Бобровский. Русские
дороги к хоккейной мечте**

«ЭКСМО»

2021

УДК 796.966:929
ББК 75.579

Рабинер И. Я.

Панарин, Василевский, Тарасенко, Бобровский. Русские дороги к хоккейной мечте / И. Я. Рабинер — «Эксмо», 2021 — (Российские легенды спорта)

ISBN 978-5-04-165013-1

Игорь Рабинер пишет об НХЛ с 1990-х. «Бомбора» выпускает его книгу в двух томах о судьбах действующих российских звезд лучшей хоккейной лиги мира. Героями первого тома стали Александр Овечкин, Евгений Малкин и Никита Кучеров. Герои второго – Артемий Панарин, Андрей Василевский, Владимир Тарасенко и Сергей Бобровский. Два форварда и два вратаря. Как они выросли в суперзвезд? Что сделали для этого их родители, дедушки и бабушки? Какие препятствия пришлось преодолеть? Об этом – книга, которая вдохновит новые поколения юных хоккеистов и их родителей на то, чтобы попытаться повторить подвиги ее героев. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 796.966:929
ББК 75.579

ISBN 978-5-04-165013-1

© Рабинер И. Я., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	7
Артемий ПАНАРИН	10
Коркино – Нью-Йорк	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игорь Рабинер

Панарин, Василевский, Тарасенко, Бобровский. Русские дороги к хоккейной

© Рабинер И., 2021

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Bruce Bennett / GettyImages.ru;

© Bruce Kluckhohn, Dave Reginek, Eliot J. Schechter / National Hockey League / GettyImages.ru

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Bruce Bennett, Minas Panagiotakis / GettyImages.ru;

© Dave Sandford, Jamie Sabau, Len Redkoles, Francois Lacasse, Scott Rovak, Bill Smith / NHLI / GettyImages.ru;

© Andrew Bershaw / Icon Sportswire / GettyImages.ru;

© Carlos Osorio / Toronto Star / GettyImages.ru;

© Елена Руско, Александр Кряжев, Алексей Филиппов, Юлия Дмитриева, Алексей Куденко, Григорий Соколов, Игорь Руссак / РИА Новости

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Панарин, свободный и на льду, и за его пределами человек, который покори́л Нью-Йорк. Василевский, обладатель приза самому ценному игроку плей-офф-2021, не пропустивший ни минуты в двух подряд триумфальных для его «Тампы» Кубка Стэнли. Снайпер Тарасенко, прошедший путь от капитанства золотой российской молодежки в Баффало-2011 до победы в Кубке Стэнли-2-19. Сын шахтера из Кузбасса Сергей Бобровский, первым среди российских вратарей завоевавший, да еще дважды, «Везина Трофи» – приз лучшему голкиперу сезона в НХЛ.

«Когда уезжал в НХЛ, многие говорили, что на коленях приползу обратно. В тот момент возвращение стало бы для меня крахом. На НХЛ я поставил все. Это был момент моей жизни».

Владимир Тарасенко

«Бабушка доила корову, пекла пирожки, жарила рыбу, которую мы с дедом ловили. И все это продавала на трассе, до которой от дома было идти минут 15. На вырученные деньги дед покупал бензин и возил меня из Коркина в Челябинск на тренировки. Вся семья была против того, чтобы он «мучил ребенка».

Артеми́й Панарин

«После ухода из хоккея я одно время скупал под Уфой пивные бутылки по 50 копеек и по рубль сорок продавал их на базе. Их надо было отмывать, а там столько гадости! Всей семьей их полоскали. Маленький Андрюха смотрел на это и сказал: «Вырасту и обещаю: так, как мы сейчас живем, вы не будете жить!»

Андрей Василевский-старший, экс-вратарь, отец двукратного обладателя Кубка Стэнли

«Отец работал на шахте, мама – на кране. Очень тяжелое производство. Внизу раскаленный шлак, воздух горячий, это плохо для здоровья. В 2011 году я забрал ее с работы, и это было очень сложно».

Сергей Бобровский

* * *

*Памяти моей мамы,
которая успела услышать строки этой книги*

* * *

Ведущий обозреватель «Спорт-Экспресса» Игорь Рабинер пишет об НХЛ уже четверть века. Зная его любовь к этой лиге и ее героям, я не сомневался, что рано или поздно он напишет о них отличную книгу.

Но книга получилась не о лиге. И даже не о хоккее. Она – о людях и судьбах. О том, как простые российские парнишки превращаются в мировых суперзвезд. О том, сколько для этого приходится пройти им самим и их родителям. О том, что слава и миллионы в НХЛ достаются через преодоление.

Вас ждут увлекательные семь историй, прочитав которые, вы поймете, что в жизни нет ничего невозможного.

Максим Максимов, главный редактор «Спорт-Экспресс»

От автора

У каждой книги есть точка отсчета. Момент, когда автор осознает про себя: «Ты не просто хочешь ее написать, а не сможешь этого не сделать. Потому что уже живешь этим».

Для меня такой миг наступил в конце декабря 2018 года, на следующий день после выхода в свет в «Спорт-Экспрессе» интервью с родителями Александра Овечкина. Мне позвонил член Зала хоккейной славы в Торонто, лучший бомбардир сборной СССР в легендарной Суперсерии 1972 года Александр Якушев. И сказал, что из беседы с Овечкиными-старшими нужно сделать отдельную брошюру, которую должны прочитать все дети и родители, которые водят ребят и девчат в хоккейные секции. Потому что более выразительного рассказа о том, с каким самоотречением и сколько сил нужно вложить в ребенка, чтобы из него вырос большой спортсмен, невозможно придумать.

Я, конечно, был бесконечно рад это услышать – тем более от такого человека. Уговаривал Татьяну Николаевну Овечкину на этот разговор полгода, она долго отказывалась – мол, только о Саше все и пишут, неужели других ребят нет? Убедить, что история восхождения Александра Великого именно от нее и Михаила Викторовича очень поучительна, в том числе для родителей и детей, мечтающих пройти такой же славный путь, удалось только при помощи моего коллеги Павла Лысенкова, много лет поддерживающего с Овечкиными-старшими теплые отношения. Ему за это содействие – отдельное спасибо.

Получив такой совет от Якушева, я расширил его идею, прибавив к ней рефрен мамы Овечкина: «Почему только о Саше?» И правда – почему? Да, Овечкин, который рвется к голевому рекорду Уэйна Гретцки и уже вошел в пятерку лучших снайперов Национальной хоккейной лиги всех времен, – без тени сомнения, великий хоккеист. И правильно написал мой коллега Антон Орехъ, что болеть за Овечкина – это не банальность, а участие в историческом процессе, о котором его свидетели будут рассказывать своим внукам.

И все же Овечкин и правда не один. Это не условный Джордж Веа, футбольный нападающий 90-х годов из Либерии, который завоевал «Золотой мяч» лучшему игроку мира, но не имел ни малейших шансов сыграть на чемпионате планеты. Именно потому что он – уникум, один посреди пустыни: его страна больше не рождала игроков хоть сколько-нибудь похожего уровня.

Российский хоккей – совсем другая история. Вы поймете и почувствуете ее масштаб еще лучше благодаря взгляду на нее со стороны, особенно когда прочитаете послесловие Скотти Боумэна, величайшего тренера в истории НХЛ, завоевавшего только в этой роли девять (!) Кубков Стэнли и сочинившего первую в истории лучшей хоккейной лиги мира Русскую пятерку в своем «Детройт Ред Уингз» 1990-х годов.

Мне посчастливилось приобщиться к миру НХЛ и начать писать о нем как раз в то время – я несколько лет жил в Калифорнии, под Сан-Хосе, где играли местные «Акулы», и перестал общаться почти со всеми нашими хоккеистами, выступавшими тогда в лиге. Постоянно общаясь с ними и узнавая подробности их судеб, я понял и прочувствовал, как же это трудно – приехав в другую страну, с другим языком и культурой, пробиться туда, куда мечтает попасть любой хоккеист мира. И, более того, в некоторых случаях стать там звездой. С тех пор глубоко всех этих людей уважаю, слежу за ними и радуюсь каждому их успеху, переживаю каждую травму и неудачу.

Сейчас, четверть века спустя, стать звездой НХЛ для российского хоккеиста в каком-то смысле еще более крутое событие, чем в конце прошлого века. Да, тогда в большей степени надо было ломать и собственные, и чужие стереотипы – как хоккейные, так и жизненные. Но людям было нечего терять: времена в России были очень тяжелые, зарабатывали те же хок-

кеисты сущие копейки и бежали куда глаза глядят при первой возможности. И лезли вперед напролом, зная, что дороги назад – нет.

Сегодня в российской КХЛ хоккеистам платят миллионы. Парни вполне могут не выходить из зоны комфорта, и отъезд за океан вовсе не означает для них автоматический переход на новый материальный уровень, ведь действительно большие деньги там получают только суперзвезды, а для обретения такого статуса нужно провести в НХЛ (а иногда – и в АХЛ!) много лет и ни разу не дать повода подумать, будто ты – калиф на час. Теперь мотивация у игроков другая, и в НХЛ они едут не ради денег (что тоже было бы вполне понятно и нормально), а для того, чтобы доказать самим себе: я могу играть и на таком уровне. А деньги приложатся.

Многих в хоккейном мире поразила – и в немалой степени перевернула общее сознание – история Артемия Панарина, который получал в Санкт-Петербурге сказочную зарплату и, не будучи задрафтованным в НХЛ, в уже не юном возрасте уехал свободным агентом в «Чикаго Блэкхокс» на контракт новичка – то есть на гораздо, в несколько раз меньшие деньги. Никто ему ничего не гарантировал – это не случай того же Овечкина, чей суперталант был очевиден с подросткового возраста, и которого «Вашингтон» выбрал на драфте под общим первым номером.

Сегодня Панарин – суперзвезда «Нью-Йорк Рейнджерс», его огромные постеры висят на Таймс-сквер, и многие молодые хоккеисты, находясь под впечатлением от того, сколько всего он преодолел, отправились тем же путем.

Назвать эту книгу во множественном числе – «Русские дороги к хоккейной мечте» – я решил потому, что дороги эти очень и очень разные. Кто-то из семи ее героев родился в семье профессиональных хоккеистов; впитали все лучшее, но стали самими собой и пошли дальше. Другие воспитывались в простых рабочих семьях, и им нужно было познавать хоккейный мир с чистого листа, а их родителям – входить в него из металлургического цеха или шахтерского забоя.

Кто-то проявил большой талант очень рано, и с их перспективами (при условии, что ребята не сбились бы с верного пути) энхаэловским спецам многое было понятно сразу: тех же Овечкина, Малкина, Василевского, Тарасенко поставили на драфт в первом раунде. Но ведь, допустим, и Найль Якупов был взят «Эдмонтоном» под общим первым номером – и что из этого вышло? Зато незадрафтованные «дворняжки» Панарин и Бобровский – топ-мастера Нью-Йорка и Флориды, обладатели индивидуальных призов НХЛ. А Никита Кучеров, взятый лишь в конце второго раунда под 58-м номером, дважды подряд стал лучшим по набранным очкам в победных для его «Тампы» Кубках Стэнли, а до того брал «Харт Трофи» – приз лучшему игроку сезона в лиге. То есть – в мире. Притом что уезжать за океан ему приходилось после того, как в ЦСКА предложили за свой счет делать операцию на плече...

Так что гарантий – никаких. И дороги – сложнейшие. Наши, русские дороги, полные ухабов и рытвин. И все-таки герои книги очень по-разному, но смогли их преодолеть.

Конечно, они никогда бы не сделали этого без помощи своих семей. Отцы, мамы, жены, братья и дедушки рассказывали мне и моим коллегам, каких усилий им все это стоило. Прочитав истории их многолетнего самоотречения, вы поймете: ничто в этой жизни не приходит само собой. К тому же эти усилия окупаются не всегда. Но без них триумф невозможен. Как Кубок Стэнли – всегда коллективная победа, так и рождение, становление звезды – это усилия команды. Команды по-настоящему близких людей.

Может, кто-то из вас, прочитав эти истории, вдохновится ими, почерпнет что-то для себя – и сделает то же самое. А потом вспомнит, что это именно Саша Овечкин или кто-то еще из этой великолепной семерки и их родных через книжные страницы объяснили, как можно прийти к будущей славе – вас или ваших детей.

А других – не к славе, а просто к правильному пониманию жизненных ценностей. Что это понимание на самом деле значит не меньше, чем слава.

В «Русских дорогах к хоккейной мечте» два тома. Герои первого – форварды и бомбардиры Овечкин, Малкин и Кучеров, три обладателя Кубка Стэнли, которых у них в общей сложности шесть, три обладателя «Харт Трофи», три лучших бомбардира НХЛ разных сезонов. А сколько у них индивидуальных наград в НХЛ – страшно даже братья за подсчеты.

Герои второго – два форварда и два вратаря, причем одерживавшие большие победы попарно. Нападающие Тарасенко с Панариным в Баффало-2011 вместе в последний на сегодня раз добывали для России золото молодежного чемпионата мира, причем оба забивали в эпическом финале против Канады. Голкиперы Бобровский и Василевский также в последний пока для России раз завоевывали медаль высшей пробы на взрослом мировом первенстве – в Минске-2014.

Иными словами, если вы, уважаемый читатель, вдруг сочтете, что эти парни думают только о личной карьере за рубежом и позабыли, где родились, знайте: это абсолютно не так. Каждый из них, когда позволяет здоровье, с удовольствием играет за сборную и отдает ей всего себя.

Эта книга сдается в печать совсем незадолго до Зимней Олимпиады-2022 в Пекине, первой за восемь лет со времен Сочи-2014 с участием всех сильнейших хоккеистов мира. Россия, пять раз участвуя в Играх такого статуса (с Нагано-1998 до Сочи), ни разу не выиграла золото, а на трех последних Олимпиадах не попала даже в тройку призеров. Конкуренция – высочайшая. Задача – предельно сложна.

Возможно, вы купите книгу, уже зная результат Олимпиады. Очень надеюсь, что он позитивный, и посылаю через эту книгу в будущее лучи надежды, любви и сопереживания.

Но лично для меня уважение к этим парням не будет зависеть от того, как они там сыграют. Оно может стать еще больше, но меньше – точно нет.

Почему? Потому что есть прекрасная фраза: «У самурая нет цели – только путь».

Хоккеисты – не самураи, у них-то цели в карьере как раз есть. Но долгий путь, который они уже проделали, заслуживает, на мой взгляд, внимания и уважения.

Достигли они своих целей или еще нет – не так важно. Главное, что они отправились извилистыми и топкими русскими дорогами к своей хоккейной мечте.

И дошли до нее.

Игорь Рабинер

Артемий ПАНАРИН 10

Артемий Сергеевич ПАНАРИН

Родился 30 октября 1991 года в Коркино (Челябинская область). Нападающий. Воспитанник челябинских СДЮШОР «Трактор» и «Сигнал» и подольской СДЮШОР «Витязь».

Клубная карьера

2008–2012, 2012–2013 – «Витязь» (Подольск)

2012 – «Ак Барс»

2013–2015 – СКА

2015–2017 – «Чикаго Блэкхокс»

2017–2019 – «Коламбус Блю Джетс»

2019–н.в. – «Нью-Йорк Рейнджерс»

Командные достижения

Чемпионаты мира:

Серебро: 2015. Бронза – 2 (2016, 2017).

Молодежный чемпионат мира:

Золото: 2011.

Кубок Гагарина: 2015

Личные достижения

Лучший бомбардир ЧМ-2017

Лучший нападающий ЧМ-2017

«Золотой шлем»: 2015

«Харламов Трофи»: 2016

«Колдер Трофи»: 2016

Попадание в символическую сборную новичков НХЛ: 2016

Попадание во вторую символическую сборную всех звезд НХЛ: 2017

Попадание в первую символическую сборную всех звезд НХЛ: 2020

Коркино – Нью-Йорк

Летним днем 2019 года форвард Артемий Панарин в центре Манхэттена открыл входную дверь офиса своего нового клуба – «Нью-Йорк Рейнджерс».

Ничего особенного от этого визита он не ожидал. Семилетний контракт, по которому он в среднем будет получать 11 с половиной миллионов в год, уже был подписан. До дебюта в синем свитере на льду прославленного «Мэдисон Сквер Гарден» еще надо было потерпеть – шли летние каникулы. Ему просто кивнули на вход в очередной небоскреб и сказали: «Зайдем сюда».

Зашли. А там – шок. Несколько сотен человек, работающих в клубе, разом вышли из кабинетов и по очереди отбили Панарину «пятеру».

– Блин, я вообще охренел! – честно и просто восклицал потом Тёма. – Человек триста из офиса хлопают, кричат: «Welcome!» Это было очень круто, очень. В этот момент я понял, что сделал правильный выбор.

В минуты того шокирующего приветствия в главном мегаполисе мира он подумал о том, какой путь прошел.

Вспомнил родное Коркино, фигурные коньки, перешитую на пятилетнего пацана взрослую форму деда. Корову, которую старики доили возле дома, молоко, которое бабушка потом каждый день шла продавать к ближайшей трассе, чтобы заработать чуть-чуть деду на бензин – ведь нужно было возить маленького Тёму на тренировку в Челябинск, это 42 километра...

Вспомнил, как получал от деда по рублю за забитый гол (в десять раз меньше, чем Александр Овечкин от родителей). Складывал деньги в спичечный коробок. На сбереженное мечтал купить себе машинку с пультом управления. Ему было лет семь-восемь, считать толком не умел, в ценах не разбирался. Когда набился полный коробок, спросил: «Деда, ну чего?» «Давай считать», – ответил тот. После подсчетов выяснилось, что ни о какой машинке не может быть и речи, но можно купить дыню. Купили. Съели.

Вспомнил суровый хоккейный интернат в Подольске, где приходилось бороться с соперниками не только на льду, но и в комнате – отстаивать каждый присланный из дома кусок хлеба. А о телевизоре, который там был один на сорок человек, и мечтать не приходилось.

От Коркина до Нью-Йорка – путь неблизкий. И не только географически.

В последнее время Панарин старается чаще напоминать себе об этом. Потому что понял: из-за бесконечных целей, новых вызовов человек забывает о действительно тяжелом пути, который прошел. А тогда и гордость от сделанного теряется.

Теперь он уже не хочет забывать, что максимум, о котором он мечтал когда-то, в интернате – это элементарно посидеть со взрослыми мужиками из «Витязя» запасным на лавке. Какая там НХЛ!

Скажите вы ему тогда, лет пятнадцать назад, что весь офис «Нью-Йорк Рейнджерс», счастливый, что заполучил такую звезду, выйдет из кабинетов и будет отбивать ему «пятеру» – начал бы смеяться до колик в животе.

И все же прошло немного времени – и он, игрок четвертого звена сборной, уже вышел на финал молодежного чемпионата мира в Баффало. Наша команда после второго периода горела канадцам – 0:3. Именно с гола Панарина начался легендарный камбэк. И именно Панарин при 3:3 забросил четвертую, победную шайбу.

И ведь не сказать, что пути назад, в Коркино, после этого уже не было. Достаточно посмотреть на судьбы двух других голеадоров того финала – Максима Кицына, который много лет уже пылит в ВХЛ, а последний гол в КХЛ забил в сезоне-2011/12, и Никиты Двуреченского, курсирующего между чемпионатом Белоруссии и той же ВХЛ. Но Тёме-то молочных рек с кисельными берегами и не пророчили, а вот Кицыну...

На другом конце этой шкалы – Панарин и капитан той золотой молодежи Владимир Тарасенко. Ну и два будущих обладателя Кубка Стэнли – автор трех голевых передач Евгений Кузнецов и его одноклубник по «Вашингтону» Дмитрий Орлов.

У двух героев финала в Баффало совсем не задалась взрослая карьера, и это – тот самый контраст, который подчеркивает сложность пути, проделанного Панариным и Тарасенко.

Двуреченский сейчас играет в клубе «Сарыарка» из Казахстана. Кицын – в родном новозкузнецком «Металлурге» во второй по силе лиге России. А ведь наверняка эти парни так же мечтали о славе, об НХЛ, о чем-то вроде семилетнего контракта на 81,5 миллиона долларов, который Панарин в 2019 году заключил с «Рейнджерс». Больше него в год из российских хоккеистов не зарабатывает никто.

Карьеры Двуреченского и Кицына – лучшее свидетельство того, что сотни отбитых ладоней сотрудников офиса «Рейнджерс» на Манхэттене, а позже – десятков тысяч болельщиков в «Мэдисон Сквер Гарден» по случаю очередной его восхитительной игры, были Артемию далеко не гарантированы. Не говоря уже о билбордах на Таймс-сквер, которые Панарину посвящались...

* * *

Дедушку Артемию Панарина зовут Владимир Ильич Ле... Нет, это не шутка. Только не Ленин, а Левин. Он был футболистом и хоккеистом коркинского «Шахтера» еще в те времена, когда в этом, ныне 34-тысячном городке Челябинской области добывали уголь. Провел три сезона во второй группе чемпионата СССР и был среди тех, кто сенсационно обыграл воскресенский «Химик» в союзном Кубке.

А какие там были переплетения судеб! Отец Олега Знарка, Валерий, выходил на лед против Левина в Усть-Катаве, родном городе самого успешного тренера сборной России, руководившего командой чемпионов мира-2014 и олимпийских чемпионов-2018. После паса Владимира Ильича «Шахтер» забил гол, Левин, празднуя его, поднял руки... И в эту секунду Знарок-старший, по рассказу панаринского деда, со всего разгона въехал ему в грудную клетку. Ильич рухнул на лед и отключился. Из больницы, впрочем, его выписали быстро.

Пройдет около полувека, и внук Владимира Левина женится на внучке Валерия Знарка. Артемий Панарин и Алиса Знарок составят одну из самых известных и ярких пар нашего спорта. А папа Алисы, Олег Валерьевич, как-то раз увидит Ильича на матче сборной в Санкт-Петербурге против чехов и мечтательно скажет: «Вот бы сейчас пельмешек уральских поесть!» И они от души пожмут друг другу руки.

В воротах коркинского «Шахтера», обыгравшего «Химик», стоял Георгий Белоусов. Его внук, тоже Георгий, стал лучшим другом Панарина. Двух пацанов каждый день возили из Коркина в школу челябинского «Трактора», с разницей в год они перебрались в подмосковный Подольск. Потом вместе играли за местный «Витязь». Сейчас Белоусов – форвард «Автомобилиста» из Екатеринбурга, солидной команды КХЛ. Не сказать что звезда, но вполне крепкий игрок основы.

От дома, где жили Белоусовы, до двухэтажного дома сталинской застройки, где по-прежнему квартируют Владимир Ильич и Нина Степановна Левины – километр-полтора. Георгий, смеясь, вспоминает фрагменты их детства, во многом общего:

– Летом, когда не было тренировок, Панара всегда вставал раньше меня и приходил будить. Тогда никто друг другу заранее не звонил, о приходе не оповещал. Прибегает, заходит, я валяюсь полусонный. И начинает меня мучить, пальцы в ребра вставляя... А потом мы начинаем что-то интересное делать.

Когда немного подросли, могли у его деда машину без спроса взять и по городу поехать кататься... Ключи стащили – и по всему городу гоняем. Менты едут, а нас из-за руля-то еле

видно. Лет по пятнадцать – естественно, никаких прав. Но не остановили ни разу. А дед у Тёмы мировой! И для него он – святое!

К ним как ни зайдешь – все время смеешься. Бабушка сажает Тёму за стол, пельменей или вареников наваливает. Дед заходит и обязательно что-то ему скажет: «Ну-ка, давай, штаны подтяни!» И как-то так скажет, что мы обязательно ржем. Поедим, чайку попьем – и гулять по городу, с пацанами и девчонками общаться. В те времена нам неинтересно было играть в приставки...

– Правда, что, если бы не дед, никакого хоккея у Панарина не было бы?

– Правда. Это даже не обсуждается. По сути, родителям это было ни к чему. Возить в Челябинск, заморачиваться, тратить деньги. Если бы не дед с бабушкой, он бы, может, и сейчас в Коркине ошивался. Жили они бедно, и история про корову и молоко, выручка от которого шла деду на бензин до Челябинска и обратно, – не выдумка. Дед Панары и мой батя возили нас по очереди. У Владимира Ильича был «уазик». Сегодня заводится, завтра нет. Тогда же никаких мобильных телефонов не было. Случалось так, что машина на трассе вставала. Раз – мы не приезжаем на тренировку. Где они? Наверное, на трассе сломались. Кто-нибудь за нами поедет, найдет, довезет до «Трактора». А дед уже с машиной разбирается. У моих родителей были «Жигули», «четверки». Одна – хорошая, следующая тоже ломалась через день, как тот «уазик». Кто мог, тот нас и отвозил, никаких разногласий у них не было...

Из Коркина в Челябинск на хоккейные тренировки сначала возили четырех мальчишек. Двое потом отвалились – а может, родителям стало не до того.

– Только мои родители и дедушка с бабушкой Панарина пошли до конца, – вспоминает Белоусов.

Дед до сих пор называет внука Артемом – он лишь годы спустя, когда Тёму нужно было отправлять в какую-то поездку и заполнять документы, узнал, что дочь Лена дала внуку удлиненное имя. А о том, как вообще решил отдать внука в хоккей, Владимир Ильич рассказывает так:

– Когда Артему было лет пять, я подумал: «Вот умру, а внук скажет – мол, дед сам играл в футбол и хоккей, а меня на коньки не поставил». И решил действовать.

Стали искать коньки – на стадионе нашли только фигурные, 34-го размера. Форму достать в 90-е годы было негде. Под крышей на чердаке валялось много старой дедовской (во всех смыслах) экипировки, и Владимир Ильич вырезал внучку щитки, нагрудник, перешил все на пятилетнего. Нина Степановна сшила специальные трусы из старой формы мужа. Точильщик в школе «Трактора», старый знакомый Левина, нашел в мусорке какие-то носки, приклепал их к конькам...

Вот так все начиналось. А еще – с бросков деду теннисным мячом. Роль ворот играло окно. Тёма, правда, уточняет: мячик был не обычным теннисным, а облегченным, и разбить окно им было невозможно. Тем более что висела тюлевая штора, если что, смягчавшая удар. Но обои портились, бабушка ругалась.

Прекрасно помнит Панарин и дедову корову – правда, имя ее в памяти не отложилось. Зато словно перед глазами такие детали:

– Кормил нас не только ее молоко. Бабушка пекла пирожки, жарила рыбу, которую мы с дедом ловили. И все это продавала на трассе, до которой от нашего дома было идти минут 15.

– А вы сами корову доили?

– Никогда. Я на самом деле был непослушным ребенком, никогда особо не помогал дедушке с бабушкой. У меня были свои интересы. Погулять где-то с пацанами, похулиганить. Всегда убегал из дома, и была целая война, чтобы загнать меня на пять минут поесть по-быстрому, после чего я опять убегал.

– Получился бы из вас хоккеист, если бы не фанатизм деда? – спрашиваю я. Ответ следует немедленно:

– Конечно, нет. Ему стоило огромных трудов возить меня пять лет, с пяти до десяти, каждый день в Челябинск и обратно, пока первый интернат в «Тракторе» не появился. Было очень много сложностей. Вся семья была против того, чтобы он так «мучил ребенка».

– Ого!

– Да. И мама, и все остальные бабушки-дедушки говорили: «Оставь мальчика в покое, пусть наслаждается детством». Но он стоял на своем, хотя в тот момент хоккей меня вообще особо не интересовал. Да и ничто по жизни не интересовало – был легкомысленным парнем.

Об этом мы еще поговорим. А пока подивимся, какие же разные у людей судьбы. У маленького Кучерова дома висел постер Русской Пятерки и еще много чего. Панарин же, как он сам признается, даже после переезда в Подольск и десяти мировых звезд назвать не смог бы.

– У нас в интернате в «Витязе» был один телевизор на сорок человек в комнате, – говорит он. – Соответственно, ты его никогда не смотрел. А потом база поменялась, стало по три человека в комнате. Тогда, лет в шестнадцать, и появился первый телевизор. Только поэтому как-то начал смотреть хоккей.

Но там, в Подольске, мыслей завязать с хоккеем у него уже не было. Хотя еще в четырнадцать лет Артемий даже не задумывался о том, что придется, например, пробиваться во вторую команду «Витязя». Искренне полагал, что так своим годом рождения они и будут играть всю жизнь. Это открытие настигло его в пятнадцать. Тогда он и станет больше работать над собой, дополнительно заниматься, на каждой лестнице – в столовую, в школу – делать «хоккейные» прыжки...

* * *

Артемий рос без отца. Мама родила его совсем молодой – в двадцать лет. Ей надо было работать, и воспитанием мальчика в основном занимались дед с бабушкой.

Мама, которую он перевез в Санкт-Петербург и которой подарил машину, в детстве ходила на некоторые его матчи. Но уже в Подольске, куда она с какого-то времени переехала, пришла на две-три игры – и они сложились неудачно. После этого Панарин не пускает ее на хоккей.

– Хотя, конечно, если бы на НХЛ приехала – пожертвовал бы одной игрой, – улыбается он. – Как мать родную на игру в Америке не пригласить?

Переезд мамы из Коркина в Подмосковье, кстати, не приведет к тому, что Артемий начнет спокойно жить в домашних условиях. Видимо, уже поздно было.

– Не скажу, что условия в интернате были лучше, просто дух коллектива мне уже был настолько близок, что дома стало немного скучно, и я пошел жить обратно в интернат, к ребятам.

Иногда он смотрит видеозаписи детских игр. И видит, как сходят с ума чьи-то родители. Орут как сумасшедшие, матерятся, давят на сыновей. Многие из этих ребят такого давления не выдержат и ничего не добьются...

Владимир Ильич, по воспоминаниям Артемия, редко кричал на него. И мата не было точно. Сорвался он, на его памяти, лишь однажды – и совершенно не по делу.

– Раньше были такие фишки игральные, их надо было выбивать, переворачивать – и я, наверное, был лучшим не только в нашем дворе, но и в соседних, – вспоминает Панарин. – Обыграл в очередной раз одного парня, а он пожаловался моему деду, что я его обманул и украл у него фишки. Прихожу домой – и дед ни за что тапкой налупил меня так, что я орал как резаный. Хотя я реально по-честному выиграл!

Тут грех не спросить, не лупили ли его тренеры, как было принято в России в те времена. Да и сейчас такое происходит нередко, и Белоусов о том же применительно к себе рассказывал. Незадолго до одного из наших с Тёмой разговоров разразился скандал – было обнаружено

видео, на котором детский тренер «Авангарда» Игорь Николаев бьет мальчишек клюшкой по голове, и не легонько: они падали. Тренера в результате уволили. Спрашиваю Панарина об этом.

– Я в свое время тоже получал. В «Витязе» были определенные годы рождения, которых только через такой режим воспитывали! Терзали пацанов просто жестко. У нас в годе как раз этого не было. С нами работал Игорь Борисович Синицын, добрый человек, он другими методами пользовался. Но некоторые другие тренеры лупили постоянно, на каждой тренировке. Я к ним периодически попадал. Сильно меня не били, потому что я в хоккее немножко играть мог. Но все равно попадало иногда. И в Челябинске было, даже больше. Чуть что – клюшкой по жопе. У нас, видимо, это в культуре: люди думают, что так правильно.

– Можно сказать, что это делает хоккеистов забитыми и закомплексованными? Что они в дальнейшем будут понимать только такие методы и не станут свободными людьми?

– Трудный вопрос... Кто-то будет забитым, кто-то нет. Но все равно это неправильно. Тренеры просто не справляются со своими эмоциями. Надо стараться объяснять. Я-то сам в принципе человек вспыльчивый, даже не исключаю, что на их месте мог бы так же поступить. Но если посмотреть на все это трезвым взглядом, то скорее так делать нельзя.

Характер у маленького Панарина был, как он выражается, «движняковый». В первые годы занятия спортом ему гораздо больше самого хоккея было интересно запрыгнуть сзади на едущий трамвай или сделать что-то в таком же роде.

* * *

Когда Панарину было двенадцать лет, в его хоккейной карьере случилось первое испытание. Олег Семендяев, тренер «Трактора», его отчислил. Юного Артемия отправили в «Сигнал» – другую челябинскую школу гораздо ниже уровнем. Дедушка в интервью выражал уверенность, что там не обошлось без коррупции – кому-то из богатеньких пап нужно было протолкнуть своих чад, и Артемий стал жертвой.

Сам хоккеист, впрочем, иного мнения.

– Дед на самом деле так считает. А я думаю, что действительно потерял тогда уверенность, о чем и говорил Семендяев. Помню его слова: «Панарин, ты как шайбу принимаешь – это всегда потеря». Все это было логично. В «Трактор» я пришел в шесть лет. До десяти был в топе. Мог расслабить булки, почувствовать, что и так в порядке, перестать работать. Дедушка с бабушкой тебе не будут жестко пихать – давай, мол, соберись. А ты, ребенок, таких вещей не понимаешь. На этом фоне все выросли, а я стал меньше всех. Это все вместе могло сделать так, что стал хуже других. Смотрел интервью Семендяева, когда фильм обо мне сделали. Он говорит: «На тот момент я поставил лучших». Я ему верю и ни в коем случае не виню. И зла не держу, потому что очень круто все в итоге получилось. И даже лучше, чем вышло бы в Челябинске.

– То есть у вас к нему нет претензий?

– Никаких. С тех пор мы не виделись, но я человек отходчивый – и с удовольствием с ним бы встретился и поговорил. Думаю, его единственная ошибка была вот в чем. Да, я стал хуже играть, потерял уверенность. Мне кажется, он как тренер мог мне ее вернуть, дать понять, что я хороший игрок – и тогда бы я раскрылся.

Белоусов тоже не видит в той ситуации большой тренерской вины:

– У меня тренер был, Станислав Шадрин, царствие ему небесное. Такие методы воспитания, которые он применял, сейчас пресекают. По жопе ты получал постоянно! Все через боль. Потом ее подзабудешь, а требования уже заучил – и вроде лучше играть начинаешь. У Тёмы тренер Семендяев вроде их не трогал. А то, что в «Сигнал» его отправил... Сложно в

то время было представить, что он станет такой звездой, в НХЛ будет играть. Маленький был, щупленький. С искривлением позвоночника, не рос из-за этого. Какой-то сутулый весь был.

Искривление позвоночника – диагноз, о котором никто применительно к Панарину никогда не рассказывал. Тем интереснее и важнее, что хоккеист смог преодолеть и сложности со здоровьем, стать суперзвездой.

Панарин не помнит, чтобы Семендяев сказал ему об отчислении лично. Начались первые предсезонные сборы, все пришли в раздевалку на общее собрание. И перед его началом один из родителей сказал Артемию, что видел письмо, из которого следовало – он едет в «Сигнал».

Для него это был стресс. Он подумал: «Если правда – это конец». Потом то же самое ему подтвердил дед. Тренер лично объясниться не считал нужным. Тем удивительнее, что Панарин с удовольствием пообщался бы с ним сейчас. Представляю на его месте, например, Кучерова...

Тёме было неприятно и тревожно. Он жил в интернате с ребятами из «Трактора», но теперь вместо тренировок в классной школе и комфортных условиях ему надо было ехать на трамвае на другой конец города, играть на плохом катке, с плохими хоккеистами, в плохих раздевалках... Он не хотел ездить на тренировки и нередко их пропускал. Это был момент, когда Панарин был ближе всего к уходу из хоккея.

– Не в обиду «Сигналу», но после «Трактора» это был полный отстой, – исчерпывающе формулирует Артемий. – Какое-то сборище дворовых ребят, которые хотят заниматься физкультурой. Я пошел вниз по ступеням. И у меня не было никого, кто бы сказал мне – надо собраться, доказать, вернуться в «Трактор».

В челябинском детском хоккее тогда сверкал Евгений Кузнецов. «Он всегда был в таком порядке!» – восхищается Панарин. Ему тогда до Кузи было как до неба. Теперь они оба – звезды НХЛ, но приставка «супер» именно на сегодня (2018-й год уже не берем) применима только к Артемию.

* * *

Первыми после конфликта с Шадриным, тренером в «Тракторе» (не путать с легендой «Спартак» с той же фамилией), в Подольск уехали Белоусовы. Около года Георгий прожил в интернате «Витязя», и однажды его отцу позвонил дедушка Панарина: «Моего Тёму совсем зажали, не знаю, что делать. Что посоветуешь? Может, поможешь как-то?»

Белоусов-старший предложил поехать в «Витязь», пообещал договориться. Артемию было двенадцать. Вопрос решили быстро, после первого же просмотра – все-таки в «Тракторе» ребят готовили серьезно, даже тех, кого ссылали в «Сигнал». Уровень по сравнению с подмосковной школой был другой.

– Знаю точно: мой отец договаривался, чтобы Тёму в Подольске посмотрели, – подтверждает Белоусов. – Но думаю, что там долго не надо было смотреть.

Панарин помнит, что ехал с Урала в Подмосковьё на поезде и очень переживал, что не попадет в команду, а возвращаться толком некуда. Не в «Сигнал» же? Но в «Витязе» команда оказалась такая, что Тёма за второй круг, на который его заявили, набрал больше очков, чем другие за оба. Скоро даже стал капитаном.

– В Челябинске мы играли в первой группе детского хоккея – с Омском, Магниткой, другими хорошими командами, – рассказывает Белоусов. – В Подольске – во второй. Он приехал – навыки хорошие, техника. Всех обманными движениями раскидывал. Видел много раз, как вратарей обманывал и из-за ворот им забивал. Причем помногу. Вроде за игру ничего не сделал, но раз – и вот уже две! «Витязю» 91-го года он очень сильно помог.

А вот жить в интернате было непросто. Жора Белоусов, когда совсем допекало, звонил маме в слезах: «Мне здесь тяжело. Кормят плохо, старшаки все отнимают. Придешь, покушать купишь – борцы и боксеры все забирают...»

Номера были маленькими, но набивали в них по восемь человек, в два яруса. Двери не закрывались, заходи кто хочешь. О каком-либо личном пространстве не могло быть и речи. Оно возникало только в те минуты, когда на общий номер раздавался звонок, и дежурная кричала: «Панарин, к телефону! Дед!»

– Я очень вспыльчивый, очень, – признается Панарин. – Меня даже зажигать не надо. Напишет кто-то грубоватый комментарий в Инстаграме – сразу завожусь, отвечаю. Но проходит десять минут, мне становится по фигу. А если человек еще скажет: «Извини» – я его вообще расцелую. А вспыльчивость – она из интерната. Я такой агрессивный, потому что приходилось постоянно защищать себя. Был самым маленьким и худым, и надо было быть всегда готовым к отпору.

– Избивали?

– Чтобы прямо по лицу – нет. Когда уже подрос, в обиду себя не давал. Ни одного боя не проиграл, даже когда поменьше противника был. В десять лет, еще в Челябине, один раз пробили в ногу лоу-киком, а у меня тогда мышц не было. Получилось прямо в кость, я упал и орал от боли. Хотя воспитательницы меня новым ребятам в пример ставили – никогда не ревел. Пацаны постарше издевались над младшими, но я никогда не сдавался.

Белоусов развивает тему:

– Агрессия у него была, конечно. Представьте маленького пацана, который хотел бы жить в нормальных домашних условиях, есть человеческую еду, а не дошираки. И с хлебом, который у него старшаки забирают. Как тут злости не появиться?

Кормили очень плохо. Если тебе удастся на ужин доширак с одноразовым пакетиком майонеза съесть – это хорошо, а если сырок – так вообще классно! А могут и его у тебя забрать борцы и боксеры. Они чувствовали свою власть над нами. Если сегодня никто у тебя ничего не забрал, то ты довольным ложишься спать.

Но постоять за себя он умел, это факт. Даже если человек выше него на голову. Знаете, как я его называл? Клещ! Противник выше его на голову, а Тёма, маленький и худой, вцепится ему в глотку и будет его душить. Бывало, что и заваливал таких, а потом лежал на нем и долбил. Такой характер.

Мог ли Панарин пойти по дурной дороге? Запросто. Как и почти все тогда. Недаром он упоминал в одном из интервью, что у него «лет в пятнадцать были проблемы, когда голова могла улететь».

– Я же все равно сигаретки во дворах покуривал. Но большого интереса ко всему этому не просыпалось. В этом возрасте же еще важно, что девчонки начинаются. А я был такой маленький, что по этой части без шансов вообще. Не было даже желания куда-то ходить.

Однажды, правда, из школы «Витязя» он чуть не вылетел. За серьезное нарушение спортивного режима.

– На самом деле мы с ребятами годом старше напились водки, а не пива, как я сказал в фильме. Я никогда раньше водку не пил, а тут дошло до того, что по дороге обратно спьяну ботинки задом наперед надел. Ехали назад на общественном «пазике» вдвоем с пацаном, нам по пятнадцать лет, притом что оба лет на десять выглядели, а он вообще на девочку был похож. Он кричал взрослым, ехавшим после работы домой, что всем здесь набьет морду. Я в дальнем углу стоял, просто кипятком писал от смеха, что этот пьяный дурак несет. Кондукторша ему подзатыльники отвешивала.

Когда вышли около интерната, говорю – давай хоть погуляем, протрезвеем, а то как мы такие зайдём? А он авторитетно заявляет: «Чтобы протрезветь, надо лечь спать». И пошли в интернат, а там жестко спалились. Тот вообще не в адеквате, лыка не вяжет, я хоть разговариваю. Начинаю на ходу придумывать историю, как нас гопники поймали и говорят: либо вы пьете, либо мы у вас забираем телефоны и избиваем. И нам пришлось...

Нас двоих уже отчисляли. Но дед то ли звонил директору школы Сергею Левашову, то ли даже приезжал в Подольск, плакался, чтобы меня оставили. В результате пожалели. А того парня выгнали.

– То, что он тогда с водкой попался – единичный случай, – говорит Белоусов. – Системы в этом не было никакой. Не было у нас такого интереса жизненного.

Больше пьяных историй за юным Панариным не значилось. Хорошо, в тот раз пожалели...

* * *

А пожалели не случайно. К счастью, в «Витязе» нашелся взрослый человек, который сразу оценил способности Панарина и взял его под опеку – директор школы Левашов, сам бывший игрок. Временами он и домой к себе его забирал, кормил. Тёма стал там почти членом семьи.

– Левашов мне очень помог, – говорит Артемий. – Коньки, помню, покупали, краги давали, клюшки. Какую-никакую стипендию платили. А самое главное – не было такого, чтобы он за мной следил. Я чувствовал, что тренеры ко мне немножко по-другому относятся, чем к остальным, свободу дают. Думаю, это его рук дело. Не уверен, но мне кажется, что он говорил: с этим парнем поаккуратнее, это наша перспектива, надо ему давать играть.

Тёма и так уже чувствовал себя уверенно, а тут совсем поднял голову. В выпускном сезоне его команда проигрывала одному из соперников 1:5 и выиграла 6:5. Все шесть шайб забросил Панарин...

Тем не менее, как мы помним из его слов, максимум, о чем он мечтал – посидеть на скамеечке со взрослой командой «Витязя». Вся эта юношеская уверенность слишком уж далеко не распространялась. И амбиции на тот момент были так себе. Белоусов подтверждает: никаких особых иллюзий Артемий в то время не строил.

– Кто думал, что у него так все повернется? – рассуждает друг Панарина. – Никто. На тот момент было просто приятно, что его вызвали в первую команду. Помню, как он часто говорил Акулинину, тренеру юниоров «Витязя»: «Игорь Иванович, ну вот он я, готов играть! Скажите, чтобы меня в первую команду потренироваться взяли!» Тот отвечал: «Да ты еще маленький. Тебя толкнут о борт, ты упадешь и развалишься». А вот когда он подросток – это дало большой толчок. Играть-то Тёма умел всегда. Тут и хоть как-то вытянулся, и подкачался, жилистый стал. Помню, на тренировки прихожу, смотрю, он там спину качает каждый день. Спрашиваю – что такое? «Сказали – если не будешь, тебе п...ц».

Говорить, что уже тогда Панарин твердо встал на верную хоккейную дорогу, было бы все же преувеличением. Тёма – человек откровенный, способный рассказывать о себе истории, которые почти любой другой закопает в самых тайных уголках памяти. Взять, например, его знаменитое интервью журналисту Sports.ru Александру Головину с критикой в адрес Владимира Путина и вообще устройства общественно-политической жизни в России, за которое Панарину потом «прилетело» от многих стремившихся выслужиться перед высоким начальством граждан.

В той честной беседе, неліцеприятно отзываясь о других, Артемий не жалел и себя. Вспоминал времена подольского интерната:

«Воровали, кстати. Телефоны, кошельки. Денег же нет – еда была три раза в день, но не сказать что хорошая. И хотелось вкусно покушать. Пойти купить себе мороженку. Доширак вечером съесть, шоколадку. Приходилось так делать.

Люди, когда на массовое катание приходите, кошельки забирайте с собой.

Начиналось все с интерната. Там жили боксеры и борцы. Оставляешь в комнате телефон на две минуты – все, его не будет. Постоянно с собой надо все носить. В Челябинске такого

не было: телефон оставил на месяц – его никто не возьмет. Но там помоложе, а в Подольске взрослые ребята, постоянно можно было что-то «потерять». Мы это переняли.

Нас была группа – человек пять. Как происходит массовое катание, мы идем на стадион. Заходим типа посмотреть – нас же все вахтерши знают, пускают. Последний человек из раздевалки выходит, мы – туда. Идешь по карманам. Помню, нашел белорусские деньги – тысяча двадцать или пятьдесят. Друг мой взял, я как вырвал у него из руки! Потом посчитали – сто рублей».

– Вас не ловили, не сажали ли в каталажку? – спросил я у Артемия после.

– Не сажали, – отвечает Тёма. – А спалили меня только однажды в большом торговом центре рядом с интернатом. Бывало, выносили оттуда шоколадки в носках, когда еще металлоискатели не поставили. Потом поставили, и выносить мы перестали. Ели прямо там, в продуктивном. Быстро съедали, фантик прятали где-то. А попались на том, что один мудила сказал, что камера не работает. И я прямо под камерой спрятал фантик в майонез. На кассе нас забрали. Но что с нас, интернатовских, взять? Поругали чуть-чуть и отпустили.

Мордобой тоже был если не прямо обычным, то уж точно не диковинным делом. Однажды близ интерната Артемия и его друга какие-то чужаки хотели избить, но это увидели боксеры и борцы. Те самые, которые отбирали у юных хоккеистов еду, однако тут-то напали на своих – и все внутренние противоречия сразу забылись. Повыскакивали и отметелили пришлых.

Такая там была жизнь. Она Тёму, с одной стороны, закалила, с другой – могла отправить совсем не в том направлении. Но стержень внутри него оказался правильный. Хоккейный. И, когда спрашиваю, можно ли его назвать воспитанником «Витязя», Панарин отвечает:

– Дед в интервью сказал, что я – его, дедовский. Да, это так. Но второе место у «Витязя».

Рассказываю Георгию Белоусову историю, что Никита Кучеров с первого большого контракта в НХЛ подарил своему первому тренеру Геннадию Курдину джип. И спрашиваю, делал ли кому-то такие серьезные подарки Панарин.

– Знаю, что он маме дарил автомобиль, – отвечает хоккеист. – И еще один – деду. Сначала, когда еще здесь был, – русскую, «семерку» «Жигулей». А уже когда заиграл в НХЛ – «Хендэ», джипчик I-35. На нем дед сейчас и передвигается.

– А ты себе какие-то подарки просил?

– Только кепки, другую атрибутику. А так мне от него ничего не надо. Главное – ощущение, что он всегда рядом.

* * *

В детскую команду Артемий приехал из Челябинска королем. То, как он пробивался во взрослый хоккей – уже совсем другая история.

В семнадцать лет попал во вторую команду, а через полгода подняли в первую, за что он по сей день благодарен ее тогдашнему главному тренеру Сергею Гомоляко и специально просит подчеркнуть, что начал играть во взрослом «Витязе» при нем. При Андрее Назарове – только продолжил.

– Когда Гомоляко забрал Артема в основную команду, родители в Подольске взбунтовались: «Почему взяли только иногороднего, а не наших?!» – рассказывал в интервью «Спорт-Экспрессу» дед игрока. – Тогда на просмотр отправили целую пятерку, никто не прошел – только Артем.

– Никто там не думал, что он вырастет в суперзвезду, – добавляет Георгий Белоусов. – А Гомоляко – вообще красавец, спасибо ему огромное. Об этом человеке можно сказать только позитивные вещи. Он нам обоим помогал, не только Тёме. Мы его не подводили, старались играть хорошо. Потому что он реально в нас поверил.

Контракт Артемия с «Русскими Витязями», фарм-клубом, подписывал менеджер Леонид Решетников. В первом сезоне во второй команде зарплата Тёмы должна была составить 9500 рублей, в случае перевода в первую – 20 тысяч. На следующий год – соответственно 14 и 28. Решетников приговаривал: «Так, у тебя сейчас девять с половиной. В первый год ты точно в первую команду не попадешь. Во второй – тоже. Третий – будешь уже рядом, но шансов мало. А вот на четвертый год в первой команде у тебя зарплата шестьдесят тысяч рублей, ты будешь плотно сидеть под ней».

Через полгода Панарин заиграл в главной команде «Витязя». Но обидел его не тогдашний прогноз Решетникова, а то, что произошло следующим летом. В первом сезоне Артемий стал лучшим бомбардиром второй команды, двое лидеров которой получали по 200 тысяч. Тёма надеялся, что его контракт перепишут в сторону повышения, он уже даже считал, сколько надо откладывать в месяц, чтобы купить подержанную «Мазду», хетчбэк – очень ее хотел.

И летом после такого сезона тот же Решетников говорит ему: «Тут законы поменялись, надо переписать контракт. Вместо 9 с половиной тысяч будешь получать 7 с половиной». Панарин позвонил Алексею Ярушкину, главному тренеру второй команды. Тот сказал ему, чтобы ничего не подписывал – Тёма так и поступил, но шел на базу обиженным на весь мир. Человек он незлопамятный, но даже у него перед глазами до сих пор стоит этот эпизод. Правда, вспоминая его, Тёма посмеивается.

– Разгонюсь, думал, блин, на автобусе, врежусь в этот дворец, что-нибудь этим гадам разобью, – сочно формулирует он тогдашние мысли. – В итоге Ярушкин позвонил, сказал, что мне сделали 12 тысяч рублей. Подняли на три тысячи!

В год перед выпуском из школы «Витязя» и переводом во вторую команду Панарин подрос – и как только оказался в «Русских Витязях», его, как он выражается, сразу же «посадили под штангу». До того он никогда с ней не сталкивался – в школе и зала тренажерного толком не было. Неудивительно, что столь резкий переход к силовой подготовке вызвал серьезные проблемы со спиной.

– Через полгода попал в первую команду и после каждой игры съедал по две обезболивающие таблетки, потому что вообще невозможно было сидеть. Проверили спину и сказали, что она у меня как у 60-летнего дядьки. Врач добавил: «Смотрим на тебя еще годик. Если будут ухудшения – то под списание. Мы в тебе не будем нуждаться».

Артемий испугался так, что весь год круглыми сутками качал спину – и потом еще года три делал то же самое. Это ему здорово помогло твердо держаться на коньках – до того, как Тёма выражался, его «на ветру болтало». Даже летом, приезжая в Коркино, он без остановки ходил в зал и достаточно хорошо накачался – по крайней мере, по сравнению с тем, что было. Сразу потерял в технике, довольно долго ее восстанавливал, зато ветром его больше не сдувало. В НХЛ это ему сильно пригодится...

* * *

18-летний Панарин был доступен на энхаэловском драфте 2010 года, но никто субтильного форварда не выбрал. Тогда это еще можно было понять. Но чтобы его не задрафтовали и год спустя, когда он уже был автором двух шайб в финале молодежного чемпионата мира...

– Мои габариты, видать, людей смутили, – реагировал он спустя шесть лет на мое удивление по этому поводу. – Ну и хорошо, что так получилось. На самом деле я рад. Потому что у меня появился выбор, куда пойти. Все, что ни делается, к лучшему. Если бы меня тогда поставили на драфт, сейчас мог бы оказаться не в том клубе, в котором нужно.

Теперь же я спрашиваю его, как он отнесся к этому в то время, не ударило ли это невнимание психологически.

– Вообще не ударило, – говорит Тёма. – Потому что я никогда не ставил себя наравне с топ-ребятами из той молодежки – Тарасенко, Кузнецовым, Кицыным, Орловым. В голову не могло прийти, что буду там же, где они. Да я даже не знал, что такое драфт!

Слышишь это – и снова думаешь о том, где сейчас Панарин и где Кицын.

На МЧМ в Баффало, который завершился легендарным финалом с Канадой и последней на сегодня победой сборной России, Панарин выходил в четвертом звене. До решающей встречи игрового времени у него было немного, отличиться удалось только одной заброшенной шайбой. Геройства были припасены на главный момент...

– Валерий Брагин верил в меня всегда, – вспоминает Артемий. – Ему все говорили: «Он маленький, как будет с канадцами биться?» Чтобы понять это, он для начала взял меня на суперсерию. Помню, я старался проявить все лучшие качества, рубился со всеми в углах. У меня был выбор. Легче было отбивать номер, ездить, никого не трогать. Но из-за непростого детства, из-за того, что был голодный, я психологически немножко сильнее других ребят. У меня очень развито это чувство – за свое буду грызться, вцеплюсь мертвой хваткой, но своего добьюсь.

Как раз тогда это и проявилось. Панарин, как он выражается, «закусывался в углах с этими огромными защитниками», и тренеру Брагину это понравилось. По итогам ежегодной суперсерии между лучшими канадскими и российскими молодыми хоккеистами он в интервью отозвался об Артемии одобрительно, хотя по ее ходу произошел эпизод, которым игрок тренера разозлил.

– Брагин относился ко мне как к недисциплинированному хулигану, от которого можно ждать чего угодно. Например, того, что на серьезном собрании заржу как конь. Как раз в Канаде на суперсерии был момент: он какую-то речь толкает, ругает кого-то. В том числе и мне «пихает», что я в пустые ворота не попал. Уже руки поднял радоваться, но шайба в ворота не залетела. И тренер говорил, что так нельзя.

В этот момент я увидел, что ребята держатся из последних сил, чтобы не засмеяться. И мне от этого стало так смешно, что я не выдержал – и как взорвался! Две минуты не мог успокоиться. Вся команда в тишине сидела, на меня смотрела вместе с тренером. А у меня – сопли, слюни. Потом Брагин минут 15 сидел молча, после чего встал, сказал: «Жалко, что мы в Канаде» – и ушел. Были бы дома – выгнал...

Но в итоге тренер хоккеиста не наказал. Правда, позже говорил команде:

– Вот Панарин. Как его брать на чемпионат мира?

Партнеры хихикали, говорили: ничего, все нормально будет! И тренер решился. Оказалось в итоге намного более чем нормально...

Белоусов вспоминает о финале с Канадой:

– Мы все болели за Панару на том чемпионате, переживали. Во время финала были в Череповце, игра на следующий день. Ночь, четыре или пять утра. Я будильник завел, думал третий период посмотреть. Включаю – 0:3! Кто-то после этого выключил, а я, раз уж проснулся, решил посмотреть. И тут Панара одну – херак! А потом понеслось. Вторая, третья... Очень рад был за него. И сейчас рад. У меня никогда не было к нему зависти. Понимаю, что не каждому такое дано – забить в финале молодежного чемпионата мира и тем более в НХЛ на ведущих ролях быть. Молодец!

– Ты к нему в Северную Америку ездил?

– Он предлагал: «Сейчас дом куплю, приезжай!» Но куда я с тремя детьми поеду? Тяжело. Перелет 12 часов. Может, дети подрастут – соберемся, съездим с удовольствием. А он потом подойдет к тренеру, скажет: «У меня есть правый крайний...» Шучу, конечно. Английского не знаю, трое детей – какая там НХЛ...

Это сам Белоусов такой скромный. А Панарин говорил о нем общему знакомому: «Если бы Жора захотел, он мог бы играть где угодно. Он талантливее, чем я! Но есть определенные вещи, которые мешают ему это сделать».

Панарину не помешало ничто.

Миф, озвученный в интервью дедом, что в момент первого своего гола Канаде Панарин не должен был находиться на площадке, а сам выскочил вместо травмировавшегося партнера, Тёма опровергает. Говорит – это другая история. Уже после молодежки его привлекали в первую сборную. Во время матча с норвежцами в питерском дворце спорта «Юбилейный» наш герой весь матч оставался на скамейке, сборная вела 5:2. И в третьем периоде договорился с двумя партнерами, что дадут ему по одной своей смене.

– Замерз на лавке, а еще в перерыве орехов объелся, – в своем стиле вспоминает он. – В первой смене даже катить нормально не мог, а на вторую за пять минут до конца вышел и забил шестой гол. Еду и Брагину показываю: «Две смены мне надо, и я все сделаю». Он смеется...

Судя по всему, и в то время Артемий еще мог пойти не по той дорожке, которая привела его в примы НХЛ. Даже из диалога с Белоусовым можно было сделать вывод, что Панарин мог тогда стать звездочкой местного разлива. Спрашиваю его, была ли у Тёмы когда-нибудь звездная болезнь, и слышу:

– После молодежного чемпионата мира. Так разговаривал, что мне тогда вообще не хотелось с ним общаться, неприятно было. Тьфу! Я – простой человек, а он приехал такой: «Мне сюда, мне на интервью...» Не хочешь – не разговаривай, мне вообще по фиг. Я сказал ему тогда: «Так будешь себя вести – общаться с тобой не буду! Ты мне такой на х... не нужен». Может, он понял? Наверное, ему надо было это переварить. Прошло время – и все устаканилось, отношения стали такими же, как прежде. И больше не менялись, каких бы успехов он ни достиг даже в НХЛ.

Сейчас, во время сезона Артемия за океаном, они созваниваются нечасто. Но если это происходит, могут и час проговорить. Стоит один детский прикол вспомнить – за ним следует второй, десятый... И снова начинается веселье из совсем другой жизни, из прошлого, когда у того же Белоусова еще не было троих детей, из-за которых он давно не думает ни о каком отъезде в Америку.

Я спросил Панарина – кому из подмосковного клуба, кроме привлечшего его в первую команду «Витязя» Сергея Гомоляко, он благодарен больше всех.

– Алексею Жамнову, – отвечает он. – Как генеральный менеджер, он говорил тренерам, что я перспективный, меня нужно ставить, обращать внимание, давать время. Андрей Назаров давал много играть, у нас хорошо получалось в связке с Михаилом Анисиним. А при Юрии Леонове я уже сам много показывал, усиленно тренировался, доказывал ему – и он перевел меня из третьего звена в первое.

– Какая была самая жесть у Назарова? Твой друг Белоусов называет работу с ним школой жизни.

– Никакой жести не было. Сборы у него достаточно сложные. Он меня не трогал, за что ему большое спасибо. Особо не ругал. Я чувствовал поддержку и работал. Самое смешное было на собраниях, когда он матерился и такие коры выдавал!..

Говоря это, Панарин еще не представлял, какую «кору» Назаров выдаст в «Комсомольской правде» во время сезона-2020/21...

* * *

В именитом «Ак Барсе», первом большом клубе, куда Панарин перешел из «Витязя», у него не получилось. Владимир Крикунов, вроде бы тренер с наметанным глазом, открывший

Павла Дациока, Артемия не раскусил, о чем потом не раз высказывал сожаление. Впрочем, и тут, как и в случае с Семендяевым, хоккеист обиды не затаил.

– Вообще никаких обид! Потому что, опять же, это сыграло мне на руку. Не представляю, что в «Ак Барсе» я мог бы тогда прогрессировать. Там были большие звезды, чемпионы мира – Морозов, Зарипов, Терещенко. Мне было бы очень сложно там пробиться на топовые роли, и меня еще на год вернули в «Витязь».

Тем более что я хулиганил и в Казани, и до того в «Витязе». Гуляли с ребятами, что там говорить. И в «Ак Барсе» все это продолжалось. Дошли слухи, что меня подспалили и поэтому не дают играть. Поэтому, когда в «Витязь» вернули, я там кремень стал. В зале пропадал, работал над собой. Жизнь ударила, подсобрался, сказал себе: «Мне эти гулянки не нужны, хочу играть в хоккей». И после этого меня забрали в СКА. Когда перешел туда, следующие четыре года по ходу сезона вообще ни капли не выпивал – два года в Питере, два – в «Чикаго».

Белоусов говорит чуть ли не слово в слово:

– Когда его в Казань взяли, он там барагозил, не режимил. После этого вернулся в «Витязь», сел там, задумался: «Блин, если меня еще раз куда-то в сильную возьмут, и я снова обосрись – больше не возьмут никуда!» И решил: хватит гулять, это – путь в тупик. Буду заниматься любимым делом, а там – как получится. Много переосмыслил.

Именно поэтому его в СКА и пригласили. Только там, в Санкт-Петербурге, он и начал думать об НХЛ...

– Помню, Тёма говорил: «Переживаю немножко. Но в принципе думаю, что в СКА все получится», – продолжает Белоусов. – Мы все понимали, что у него есть техника, талант, катание, ум. Но кто мог подумать, что ему в СКА доверят играть в ведущих звеньях? Никто!

Первым его тренером в питерском клубе был финн Юкка Ялонен. При нем Артемий пахал, доказывал. Впервые в жизни на морально-волевых выполнял «тест Купера», после которого едва мог дышать. Тренер ставил его в основном в нижние звенья – с Кучерявенко, Макаровым, – что не мешало Панарину в первом же полном армейском сезоне-2013/14 забить 20 голов и набрать 40 очков – столько же, сколько капитан Илья Ковальчук. Было чем гордиться!

А потом СКА возглавил Вячеслав Быков. Человек, тренировавший сборную России на двух золотых чемпионатах мира подряд, в Квебеке-2008 и Берне-2009, случившихся после 15 лет чемпионской «засухи». Специалист, обожающий красивую комбинационную игру – и создавший в Питере изумительное звено, в котором объединил Панарина с Вадимом Шипачевым и Евгением Дадоновым. Они тут же принялись разрывать всех, играя и за клуб, и за сборную.

– Думаю, это ему дало большой толчок, – размышляет Белоусов. – Когда играешь с такими партнерами, начинаешь мыслить по-другому, стараешься выйти на новый уровень. И у него это получилось.

С Дадоновым они видятся всякий раз, когда их клубы встречаются в НХЛ. Успешный первый сезон Панарина в «Чикаго» вдохновит многих его соотечественников – все-таки ему было двадцать четыре года, и своим блеском в «Блэкхокс» он объяснит им, что можно в уже достаточно зрелом возрасте перебраться за океан и оказаться там успешным.

– После его удачного сезона многие, и я среди них, по-другому посмотрели и на свои перспективы в НХЛ, – рассказал мне Евгений весной 2019-го. – А когда Панарин уезжал, лично я в него верил. Может, и не думал, что все так ярко получится прямо с первого сезона. Но играл с ним и знаю, какими качествами на льду и характером он обладает. Поэтому не было мысли, что у него не получится вообще.

– Не скучали по вашей питерской тройке?

– Ну, вот так чтобы сидел и скучал – нет. Но как-то наткнулся на видео, где были ее голы и моменты – и вот тогда ностальгические чувства нахлынули. А в этом году уже сам сознательно еще раз это видео пересмотрел...

Дадонов говорит это – и я думаю, что, сложись такая тройка в советские времена, она прожила бы лет пять минимум. А то и дольше. Теперь время в хоккее – да разве только в нем? – летит намного быстрее. Тройка играла всего год, но память о ней жива.

А Панарин тот сезон, в котором СКА во главе с их звеном выиграл Кубок Гагарина, называет переломным в карьере. Хотя и уточняет: нельзя сказать «просто фартануло», когда Быков поставил его в такое звено. Предыдущим сезоном, когда он набрал столько же очков, сколько Ковальчук, он на эту удачу наработал.

– У нас втроем «химия» была, мы сумасшедшую игру еще на сборах показывали! – улыбается Артемий.

Двое из троих сейчас играют в НХЛ. Третий, центрфорвард Шипачев, поехал в «Вегас», но не был принят с распростертыми объятиями и быстро вернулся домой. Панарин не склонен видеть в этом малодушие.

– С Вадимом – сложная ситуация. Все-таки игрок немолодой, уже на очень хорошем счету в КХЛ. У каждого своя жизнь. Есть хоккеисты, у которых ценности распределяются так – прежде всего семья, близкие, здоровье, счастье. А хоккей даже не в топ-5. На тот момент, когда я уезжал, у меня было по-другому. Хоккей для меня стоял на первом месте, деньги были не важны. Думал так: уеду и там уже разберусь. Так все и вышло. Был бы постарше – может, думал бы по-другому...

Артемий привез в родное Коркино выигранный со СКА Кубок Гагарина.

– Очередь была, как в Мавзолей, – замечает дед.

Сам Панарин вспоминает, что часов пять расписывался почти без остановки – только с паузой в десять минут. Устал так, что неделю после этого не мог улыбаться – а это у Артемия, у которого уголки губ сами тянутся вверх, точный показатель утомления. Зато весь родной город смог прикоснуться к главному хоккейному трофею нашей страны.

Теперь еще бы Кубок Стэнли выиграть...

* * *

Панарин никогда не дает банальных ответов. И когда я спрашиваю его, чем он больше всего гордится, он вдруг говорит:

– Человеческими моментами. Более молодым я был понаглее, можно даже сказать, похуже человеком. Сейчас в этом плане удалось немножко достичь успехов. Думаю, очень большую роль в этом сыграл Виктор Тихонов-младший. Потому что, когда я пришел в СКА, то увидел человека, который тогда был в топе, одним из лучших в российском хоккее, получил приз лучшему игроку чемпионата мира – и при всем при том оказался очень хорошим парнем. Витя для меня был примером, и это было счастливое время – находиться рядом с ним, видеть и пытаться перенять все эти его качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.